

Сергей Сергеевич Козлов родился в 1966 году в Тюмени. Окончил Тюменский государственный университет, служил в армии. Работал учителем, музыкантом, директором средней школы, преподавателем вуза. В настоящее время — литературный редактор газеты «Тюменская область сегодня». Публиковался в журналах «Роман-газета», «Наш современник», «Нева» и др. Лауреат многих литературных конкурсов, в том числе фестиваля «Золотой Витязь». Член Союза журналистов России, член Союза писателей России.

Сергей Козлов

ОБЫЧНАЯ ИСТОРИЯ

Рассказ

Друг мой, прочитав этот рассказ, сказал: — Обычная история для нашего времени, ты ее в газетах вычитал или в сети?..

Семка стоял у окна и очень волновался. Стекло отделяло от него промозглую осень: мокрый стылый ветер тщетно пытался оторвать от асфальта жухлые листья, бился в рекламные щиты новой России, рылся в темных кучевых облаках и гнул зонты редких прохожих. Дождя, можно сказать, не было, просто сырость летела вдоль улиц общим фронтом стальной мороси наподобие растаявшей метели. Улица выглядела неприглядно и слизко даже в элитном районе, холодом от нее веяло и сквозь стеклопакет. Но все это и обещало: ребята придут...

А для Семки было очень важно, чтобы они пришли, потому что оставаться равным в разношерстной, но главной компании 8 «А» и 8 «Б» ему позволяли две возможности: он приносил что-то необычное на потеху друзей в школу, второе — общий пир в его квартире, где несколько компьютеров давали возможности прямо на месте играть в сетевые игры, а забитый всякой иностранно-пищевой требухой холодильник был местом привала. Собственно,

и двухэтажная квартира, которую смог выкупить в престижном доме отец Семы, бизнесмен Сырцов, предоставляла место не только для сетевых игр, но и для перестрелок, тира, «казаков-разбойников», в конце концов. Но про последнюю игру современные дети почти ничего не знали. В «войнушку» теперь играли в сети и убивали уже не фашистов, как было негласно принято в XX веке, а всех подряд, включая космических пришельцев и даже спецподразделения России, над чем никто не «заморачивался».

Лето прошло скучно и бездарно. Сначала Семку отправили в райцентр к бабушке, где он целыми днями сидел дома, уставившись в тусклый экран ноутбука, потому что появление на местных улицах могло обойтись ему неравным во всех смыслах противостоянием с местными ребятами и, если не синяками, то издевательствами и унижением точно. Жили здесь неприметно, плохо и винули в этом почему-то горожан областного центра. Впрочем, и последние так же, в некоторых случаях, во всех бедах винули Москву. Отец хоть и сделал там ремонт и даже установил кондиционеры, квартира бабушки была маленькой, душной и какой-то «старорежимной». Последнее слово Семка услышал от отца. Он долго ругался с матерью, пытаясь хоть после ремонта вынести оттуда старые комоды и серванты, но та напомнила ему, что это его родовое гнездо, память об отце (дедушке Семы, который работал каким-то начальником на железной дороге еще в эпоху паровозов) и — главное — она здесь хозяйка. Отец вздохнул, махнул рукой и сказал: «Ну и стереги свою старорежимность».

Одно не понял, зачем Семку каждый год отправляли к бабушке, словно он должен был помогать ей стеречь эту квартиру. Бабушка была к тому же очень навязчива и пыталась заставить внука хотя бы присмотреться к рядам пыльных старых книг огромной библиотеки. А еще играла на стареньком пианино (клавиши которого были не белыми и черными, а желтыми и серыми), стараясь попутно рассказывать рассеянному Семке о музыкальных произведениях и великих композиторах. А также ставила виниловые «старорежимные» пластинки на проигрыватель «Аккорд», который скрипел, шипел, а только потом понимал, что должны зазвучать какая-нибудь прелюдия, симфония, опера... Впрочем, стоило признаться, некоторые произведения Семке все же нравились, и тогда он, к удовольствию бабушки, садился рядом с ней на диван и ловил себя на мысли, что испытывает некие незнакомые ему чувства. «Музыка — это то, что нельзя сказать словами», — поясняла бабушка, и Семка пытался понять, что же она говорит, хотя ничего, кроме тревожного томления, из этого не получалось. Долгие годы она работала учителем в музыкальной школе.

— Музыка божественна!.. — вторила бабушка.

— Почему? — спрашивал Сема.

— Потому что ее дал нам Бог как раз для того, чтобы говорить то, о чем сказать нельзя.

— А что, Бог, ты думаешь, есть?

Бабушка, прежде чем ответить, задумчиво подходила к окну, смотрела в него, словно туда должен был заглянуть Бог, и лишь потом отвечала:

— Присутствие Его ощущается слишком во многом, чтобы этого не замечать... Если, конечно, у тебя открыто духовное зрение.

— Какое?

— Прости, рано тебе об этом. Отвечу проще: если Бога нет, зачем тогда жить?

— Как зачем?! — подпрыгивал Сема, а вместе с ним — иголка на зна-

менитой «Улетай на крыльях ветра» из оперы «Князь Игорь» русского композитора Бородина (запомнил!), которую, впрочем, он слышал и в хорошей современной обработке.

— Сема, осторожнее, — умоляла баба Аня, — теперь таких пластинок нет.

— Бабань (так сокращал имя и звание Сема), теперь все есть. Вот сюда иди... — И открывал перед пожилой учительницей просторы неведомого для нее интернета. Он быстро нашел не только оригинал, но и обработку и «Половецких плясок», и песни «Улетай на крыльях ветра». Оценив новую аранжировку, удивленная бабушка сказала одно слово — «недурственно».

Бабушку Сема любил и, конечно же, понимал, почему его каждый год отправляют к ней на «дополнительное образование». У вечно занятого отца времени на вечерние чтение «Двух капитанов» вслух да по очереди с ним не хватало. Да и музыкальное образование, как говорил отец, получил под маминым прессингом. У бабушки Сема не чувствовал, что его прессуют, у бабушки, в отличие отца и матери, хватало и времени, а главное — терпения. Впрочем, терпения не хватало и у Семы...

Зато знаний, полученных у бабушки, хватало, чтобы иногда удивлять свою компанию. Так, при разборе новой игры, что загрузил Сема, кто-то сказал:

— О, классную музыку написали разработчики!

— Как же, разработчики написали... Украли имя ее. У Эдвара Грига! Был такой норвежский композитор...

— Ни фига ты, Семен, продвинутый в музыке, — уважительно оценили примененные знания ребята.

Да, с бабушкой было иногда очень хорошо, как в настоящей семье, единственное, что было невозможно, — сидеть целый день у экрана компа и ругать на сленге сетевых напарников по какому-нибудь отряду «Дельта», которые подставляли продвинутого сетевого игрока Семена Сырцова. Они же, как порой на поверку оказывалось, были взрослыми людьми, которые, в свою очередь, сидели в многочисленных офисах и даже важных чиновничьих конторах. Да, видать, ничему не научились...

А бабушка еще всегда давала с собой книги. Они вставали на красивую полку в Семиной комнате и стойко ждали своего часа. Час не наступал, компьютер не отпускал. Времени у Семы, как и у отца, не было.

А нужно было еще вытерпеть целый месяц в Греции, где интересно только первые три дня. Пляжную тоску удавалось хоть как-то разбавлять айпадом. Море, конечно, радовало, но порезвиться было не с кем. То незнакомые русские, то хоть и дружелюбные, но незнакомые сербы, а то и вообще немцы и французы. Однажды попали на неделю в соседство с японцами... Семен чуть с ума не сошел от их размеренности и этикета. Дело в том, что отец разумно, с его — отцовской — точки зрения, менял места пребывания, чтоб не сидеть на месте и побольше увидеть, и если Семени удавалось наконец-то завести друзей, втереться или сколотить компанию, то уже наступало время переезда «к новым рубежам» (так говорила мама). Кстати, сами греки Семени нравились, хотя все про них говорили, что они ленивые. В чем проявлялась лень греков, Семен понять не мог. Сколько не присматривался — они постоянно были чем-то заняты. Разве что магазины работали с большим дневным перерывом, который назывался системой. Греки считали это жарким временем, а все остальные — как раз элементом греческой лени.

— Странно, у нас же в морозы бывают активированные дни, — такое заключение сделал Семен, но никто его не услышал. Видимо, то, что школьники в России в морозные дни не учатся, греков с их жарой никак не извиняло.

Да, конечно, отец, как говорится, старался для семьи: побывали и на Кассандре, и под древним Олимпом, обошли на катере древний Афон, выкупались в лазоревой воде на Ситонии, пожили в Салониках, ну и под конец поднялись на Акрополь и потрогали камни вновь отстроенного Парфенона. Но пусть греки сами изучают свою легендарную историю. Семе она надоела еще в пятом классе... Несколько дорогих покупок не компенсировали Семе полной утраты самостоятельности на целый месяц, да еще предстояло по возвращении не один день закачивать обновления всех игр. Домашний компьютер уже снился... Он терпеливо и зовуще ждал в комнате.

И вот этот день наступил! Отец с матерью поехали с друзьями на загородную базу, а Сема предварительно и по умыслу за день до этого покашлял и почихал, демонстрируя, что холодный осенний воздух может развить его начинающееся ОРЗ. Пришлось, правда, заглотив горсть арбидола и запивать его клюквенным морсом, но это было легкой компенсацией за два дня свободы. За день, когда к нему придут друзья.

Родители уехали, предоставив Сему попечительству соседки тети Нины. Последняя же была занята больше попечительством своего очередного бойфренда. Потому заглянула один раз утром и спросила:

— Семочка, у тебя есть, что покушать?

— Есть, мама наготовила перед отъездом, могу даже вас с вашим Мироном (так звали нового друга тети Нины) накормить.

— Ух ты! А что там?

— Фаршированные перцы, целая тарелка буррито, курица в духовке, отбивные... Ну и я всегда могу сварить себе пельмени.

— Круто! — оценила тетя Нина. — Тогда давай так, если тебе что-то понадобится — звякнешь мне. А так — выходные, мы с Мироном собирались прошвырнуться по магазинам...

— Шоппинг?

— Да так, больше на посмотреть... А вот буррито один... нет... два я бы у тебя попросила. Мне хотя бы не готовить с утра.

— Щас! — Сема убежал в кухню-гостиную, откупиться от излишней опеки двумя буррито — это дешево. И почетно. Он сам кормит своего опекуна. Спасибо, мама!

Получив желаемое на отдельной тарелке, тетя Нина повела носом, глазами выразила восторг, снова повторила устаревшее уже слово «круто» и, чмокнув Сему в щеку, исчезла на лестничной площадке.

— Круто, — с хитрой ухмылкой согласился Сема, закрывая дверь, и побежал к окну, ребята вот-вот должны были появиться.

А приятели должны были пятеро: Валерка (имевший сразу два прозвища — Сила и Лысый: первое — за лидерство в физическом превосходстве и занятия единоборствами, второе — за спортивную стрижку) — неразговорчивый, но сам по себе добрый парень из параллельного класса; Славик — Айти (прозвище подчеркивало его компьютерный гений) — шубутной очкарик и неиссякаемый придумщик, который мечтал писать компьютерные игры; Олег по прозвищу Втащ (так он кричал при любом конфликте, которые очень любил затевать в любой ситуации, по сути — неформальный лидер всей компании); Данил (Зануда) — знаток брендов и

созревающей перспективный ловелас; Толик (Чича — потому что Чичерин) — как и Семка, сын бизнес-семьи, но ему более повезло в плане физического развития и принятия в компании. Впрочем, дома у Толика все тоже бывали. В шикарном особняке за городом родители отдали сыну целый этаж, где были игровая, тренажерный зал и, помимо двух ванных комнат, разумеется, спальня.

Проглядывая до последних падающих листьев стылый октябрь, Семка с нетерпением ждал друзей (так он считал!) и даже не мог из-за нервного состояния сесть за компьютер, чтобы скоротать время. Точно девчонку на свидание ждал. Зато пришлось постоять у окна и открыть для себя много нового. В природе, в городе, в деталях и мелочах... Эти открытия даже успели его взволновать, но не настолько, чтобы не воскликнуть английское «йес!», когда он увиделдвигающуюся к дому ватагу ребят.

Семка ждал пятерых, а шли семеро... Помимо уже перечисленных в компании, присутствовала всегда державшаяся особняком парочка: Махад — резкий, как и все они, кавказец и Иван (Вано — потому что в постоянной компании с кавказцем) — едкий во всех смыслах парень. Таких, как Вано, боятся даже самые сильные, потому что, защищая свою независимость, они не остановятся ни перед чем, пойдут до конца. Такой характер сродни как раз кавказцам, может, потому они с Махадом и сошлись? Так или иначе, но присутствие этой пары в общей группе очень озадачило и настрожило Сему, потому как грозило непредсказуемыми последствиями сбороища в его доме. Ваня и Махад славились в школе как лидеры реальных хулиганских проделок и не раз привлекались разными там органами внутренних дел, и лично директор школы считал их своей головной болью. Однако сам директор в своем кластере был лузером. Все знали, что он подворовывает из школьного бюджета, а его «ниссан теана» во дворе школы не раз раздражал вышестоящее руководство. В принципе-то, по меркам нынешнего мира все у него было хорошо, кроме главного — он был полный лузер в педагогике. Лох! В школе быть вызванным к директору называли «сходить в Камеди Клуб». Дальше и говорить ничего, наверное, не надо. Лузер — он и есть лузер. Старшеклассники записывали его замечания, чтобы потом выставлять в сеть на всеобщее посмеище. Да, собственно, и его выступления перед коллективом радовали ютьюб.

Но вот вместе со всеми в квартиру Сырцовых шли Вано и Махад. Как стихийное бедствие.

Семка вдруг пожелал, чтоб неожиданно вернулись родители, подумал и о том, что скажет ребятам: «Родаки срочно возвращаются». Но задним умом понимал, что ничего этого не сделает...

Ватага ввалилась шумно.

— Семен, дарова!

— Семен Семеныч...

— Семка, краба давай!

— О! Нехило тут буржуинство живет! — это был как раз Вано.

— Салам, брат!

Расчет Семы увести все в сторону сетевых игр не оправдался с первых минут, ибо Иван с порога запросил:

— Пожрать дашь? Замерзли с Махадом, а тут наши идут к тебе. Есть че на зуб кинуть?

— Есть, пошли.

Все оказались на кухне, и в мгновение ока исчезли буррито и фарши-

рованные перцы. Про курицу Семен пока подзабыл, как и про то, что хозяйину ничего не досталось. Ваня с рулоном буррито в руке между тем по-хозяйски осматривал кухонные шкафы. Что называется, как дома.

— Это че за бутылки?

— Оливковое масло. Мама только на нем готовит, — пояснил Семен.

— Знаю, что круто, но не одобряю, наше подсолнечное, может, и вреднее, но вкуснее.

— Тебе налить? — пошутил Сема про масло, но тут же об этом пожалел.

— А есть что выпить? — тут же подхватил Ваню.

— Алкоголь — враг! — вовремя, казалось бы, встрял Махад.

— Да вы, муслики, только на словах не пьете. Сема, сказал «а», наливай «б», говорю — замерзли! — Последнее слово он разбил по слогам, отчеканил.

— Так своего-то у меня нет... Только батино, а он заметит.

— Своего-то у меня нет, — передразнил Ваню. — Плохо готовишься к приему друзей.

— Я ж не бухать звал!

— А мы что — бухать? По рюмке с холоду — милое дело!

И тут он дошел как раз до отцовского бара:

— Ни фига себе! Да твой батя и не заметит, что у него тут чего-то отпили. Он у тебя что — бухает по-черному?

— Он вообще почти не пьет. Бывает, рюмку с гостями...

Обилие разномарочных и разноемкостных бутылок могло, конечно, поразить неподготовленное пролетарское воображение Ваню, но, похоже, он вообще впал в ступор. Он крутил бутылки в руках одну за другой. Прошло какое-то время, прежде чем он определился:

— О! Всегда мечтал двадцатипятилетний вискарь попробовать. Тем более — пузырь открыт. Чё там у тебя еще на закуску, Семен? — Последнюю фразу он сказал так, как будто обращался к равному и старшему товарищу. Это и подкупило Семю.

— Есть еще курица, — сообщил он.

— Давай курицу! Парни, кто будет по пять капель? — тут он повторил фразу своего отца, которую слышал не раз. — Махад?

— Я сказал — не буду! — резко, почти злобно отрезал кавказец.

— Чурка ты и есть чурка, — такую фразу Махад мог простить только близкому другу.

Впрочем, без ответа ее не оставил:

— Валенок сибирский!

— Кто будет, парни? — снова бросил клич Иван.

— А я, пожалуй, глотну, — решил вдруг Толик. — Вискарь действительно достойный. Батя у меня свое пузо таким балует. Побуржуйствуем...

— И я, — поднял руку, как в школе, Данил.

В итоге присоединились еще Славик и Олег. Налили и Семе (а как без хозяйина?) Отказался только спортсмен Валера. Выпили вроде по рюмке, но казалось, в голове у каждого случился свой взрыв. Курица улетела следом, хотя курицы, как известно, летать не умеют.

— Ну, пойдем нахлобучим кого-нибудь, — потер руки Славик Айти к вящей радости Семы, потому как фраза предполагала сетевую игру. — Самое время пострелять.

— А-а, идите, — презрительно напутствовал команду Ваню. — Не мужское это дело в игрушечные стрелялки бегать.

Все знали, что дома у Ваню напряг с отцом, который запретил ему всякое игровое общение с компьютером, потому не приняли его слова всерьез.

— Сема, кинуха какая-нить свежая есть на дивиди? Я бы попялил-ся, пока вы из себя крутых страйкеров корчите.

— Там, — нетерпеливо отмахнулся Сема на гостиную, — куча дисков, пульта, разберешься.

— Не вопрос, разберусь, — согласился Иван.

Дальше вроде все пошло по плану Семы. Народ разбрелся по компьютерным точкам и начал боевые действия. Об успехах или неудачах той или иной группы можно было слышать по возгласам и откровенной ругани. У «криворуких» всегда были виноваты сеть и провайдеры.

Про Ваню на какое-то время все забыли. До тех пор, пока он сам не напомнил о себе.

— Э, деточки, — объявился он в комнате с арбалетом наперевес, — вот из чего стрелять надо. А вы за джойстики вцепились, пионэры. — Он так и сказал «пионэры», повторив слышанное за своим отцом. — Чё это? — обратился он к Семену.

— Арбалет.

— Я понимаю, что не бейсбольная бита. Он стреляет?

— Стреляет, конечно. Отец в клуб специально ходит. Где ты его взял?

— Да он стоял себе в углу, скучал. А тут — я. Вводится тяжело, я попробовал.

Почему отец оставил арбалет не в сейфе? Ах да, вернулся вчера из клуба поздно, устал. Бросил там, где мать его кормила. И кино потом они смотрели... Ах, батя-батя...

— Стрелочку-то вот сюда вкладывают?

— Сюда, — хмуро ответил Сема.

— Ну что, народ, пойдем поохотимся?! На реальную дичь. — Позвал всех Иван.

— В смысле? — оторопел Сема. — Его, между прочим, приравнивают к реальному оружию.

— А я о чем? — криво ухмыльнулся Ваню, взвешивая в руках арбалет. — Ну-ка открой окно.

— Зачем?

— Птичку какую стрельну.

— Ваня, это не игрушка.

— Это у вас игрушки, а это, — он прицелился из арбалета в настенные часы, — сила.

— Брось, Ваню. Не до шуток. — Этой помощи очень ждал от Валеры Сема, и она пришла. Но эффективность ее была обратно пропорциональна.

— Я не понял, — возмутился Иван, — а чего это все заочковали?! А?! — он окинул притихшую компанию взглядом.

Валера презрительно пожал плечами, что в то же время означало «делай, что хочешь». И тогда Ваня подошел к окну. Открыл его и выставился оттуда, как из бойницы. В квартиру подул не только стылым воздухом, но и опасностью.

— Вань, закрой. Не смешно уже, — последний раз попросил Сема.

Но его даже не удостоили ответом.

— Блин! Дичи никакой! — досадовал за окном Ваню. — Что такое осень?! Это птицы?! Где?! Хоть бы кошка какая!..

— Э, стрелок, давай уже обратно, всю хату выстудил, — позвал друга Махад.

— Подожди! О, гляньте, попик!

Сначала никто не понял, о ком он говорит. И только Сема увидел в соседнем окне удаляющуюся спину священника в рясе, поверх которой была наброшена курточка.

— Ты дурак, что ли? — встрял Толик. — Это же человек.

— Какой человек?! Это — тунеядец. Батя мой так говорит. Пока он в автосервисе круглыми сутками батрачит, эти попоют себе, кадилом помашут, и — «мерседес» в кармане. Твари! — злость в голосе Ваню была нешуточная, но никто и подумать не мог, что он выстрелит. — А что, если я ему в задницу залеплю?! А?!

Никто не верил. И только Махад, который знал своего друга лучше всех кинулся к нему.

— Стой, дебил!

— А че, Аллах только рад будет! — повернулся к нему Ваню, и в этот момент палец его скользнул по курку.

Арбалет гукнул, мгновенно спустив натянутую силу тетивы. А за окном как подкошенный упал священник.

— Ты че сделал, урод?! — это Валера.

— Парни, пошел я домой... — тихо поплыл в сторону Данил.

— Зачетный выстрел, придурак. — Махад посмотрел на друга с ненавистью. — Тунеядец, говоришь? На себя со стороны смотрел?..

— Не, я не подписывался на организованную преступность. — Даже для Втащу такая ситуация была неприемлема.

Славик Айти тихо молчал и смотрел за окно. Священник лежал недвижим.

— Дебилы! — это крикнул Валера всем уже из прихожей, он единственный бросился на помощь раненному человеку. Раненому? Никто не знал... По ходу он теребил в руках мобильный телефон, пытаясь набрать «скорую помощь».

— Стой! — это Ваню направил арбалет уже на него, предварительно вложив новую стрелу. — Чё, сдать меня хочешь?! Откуда кто узнает, откуда стреляли?

— Арбалет в этом подъезде только у бати... — опустошенно сообщил Сема.

— Да пошел ты! Никто тебя сдавать не собирается, а человеку помощь нужна! — Валера даже плюнул себе под ноги, прямо на пол, чтобы высказать Ваню свое презрение.

— Иди, Лысый, может, вместе помолитесь. Ладно, Махад, валим отсюда, — позвал Ваню друга. — Тут щас церковный хор будет.

— Вали, — глухо сказал Махад, — никто не держит.

— Ты че, брат, и ты меня сдаешь?

— Тебя в роддоме, по ходу, сдали.

— Пасть завали, чурек долбаный... — Ваню шмыгнул носом, цыкнул через зубы, сделал еще какие-то движения, видимо, необходимые ему для самоутверждения, или, как он считал, чтобы не потерять лицо. Двинулся боком к двери, будто ожидая нападения. Но никто этого делать не собирался.

За окном Валера уже склонился над священником. Сема смотрел туда с ужасом, ожидая хоть какого-то сигнала о том, что человек жив. Валера же что-то говорил в телефон, вероятно, врачам неотложки.

— Чё мы стоим-то, надо туда, — кивнул за окно Толик.

— Господи, пусть он только будет жив! — в первый раз в жизни взмолился Сема, голос его дрогнул, а по щекам потекли слезы.

Но никто его слабости не осудил и не высмеял. Более того, если б он мог внимательно следить за другими, то увидел бы, как подергивалось лицо Славика-Айти. У того тоже напрашивались слезы.

Они гурьбой выкатились на улицу, обогнули дом, подбежали к Валере.

— Щас «скорая» будет. Стрелу сказали не трогать, — доложил Сила. — Надеюсь, сердце или легкое не задеты. Пульс есть...

Стрела торчала наискосок чуть ниже левой лопатки. Сема присел рядом. Он не испытывал ничего, кроме жуткой безысходности. Понимал, что отцу придется ответить за брошенное как попало оружие. Но виноват в этом будет всегда Сема. Что скажет бабушка?

Рука сама собой потянулась за мобильным телефоном.

— Надо отцу позвонить, я его подставил, — пояснил он на вопросительный взгляд Валеры.

— Погоди. Успеешь.

Но Семен не успел. Быстрее всего в этот раз приехала милиция. И как только появилась неотложка, суровые, немного грустные сержанты, почти не ругаясь, усадили Сему, Махада, Толю и Валеру в машину. Остальные, получалось, сбежали.

— Да мы ни в чем не виноваты, — пытался робко возразить Толя.

— Там разберемся.

— Нас только в присутствии педагога допрашивать можно, — напомнил он же.

— А тебя что — уже допрашивают? — сержант был неумолим.

Валера и Махад сели в милицейскую машину молча. Так, словно их уже не раз арестовывали. Растерянного Сему просто ткнули в сидение рядом с ними.

— Все нормально, братан, — неожиданно сказал ему Махад.

Толю как самого разговорчивого «упаковали» во второй автомобиль.

Когда машины тронулись, Семени показалось, что он увидел Ваню, выглядывающего из-за угла. И еще ему показалось, что он погрозил ему... Как-то погрозил. Кроме того, Сема даже не помнил, захлопнул ли он дверь в квартиру...

* * *

Допрашивали их как на карусели. То по одному, то всех вместе. Педагога, как положено, посадили рядом. Да только откуда он был этот педагог, и понимал ли вообще, о чем идет речь? Присутствовал под протокол да и только. Допрашивали традиционно: то посулами, то угрозами, то рассказывали им, чем грозит всем организация преступной группы, то говорили, что вот твой товарищ дает на тебя показания и все уже рассказал, то врвался вдруг начальник отделения и обещал всех отправить куда-то, где раки зимуют, то вкрадчивый следователь обещал, что никто не сядет, выстрел-то, мол, был случайный, скорее всего... Но, самое удивительное, никто из ребят даже не упомянул Ивана-Ваню. Будто его и действительно не было с ними. И это было не по договоренности, не по слову, как правильнее говорить, и уж те более не из знания криминальных тонкостей. Просто молчали и все.

Еще в машине Валера успел шепнуть Семе: баяю не подставляй, скажи, что в сейф с оружием сами залезли, знал, где ключи, и стой на том. За этот совет Сема был Валере очень благодарен.

А мельница допроса крутилась. Вот уже и вечер поздний наступил, что угадывался где-то там за мутным окном, словно в параллельном мире. Вот уже и сказали, что родители приехали, но никого из них к ребятам не пустят, пока те не расскажут все — как было.

И тут вдруг явились Славик с отцом. Славик потерянный, отец его — гром-молнии мечет.

— Я с ними был, — признался Славик, когда всех снова собрали в одной комнате у следователя.

— Стреляли?

— Так точно. Из винтовки LaRue калибра 7 и 62 миллиметра.

— Чего?

— Штурмовая винтовка «морских котиков». В игре у меня такая...

И маховик закрутился снова:

— Так, может, это он из арбалета стрелял, и вы его все это время выгораживали? — Это уже к ребятам.

— Нет, не он. Он просто был. Все играли в компьютерные игры, никто не видел, кто стрелял.

«Карусель» крутилась. Педагог уже явно нервничал и дремал. Следующим актом было явление Ваню.

Их снова собрали вместе и ввели его в комнату. Следователь вкрадчиво спросил:

— Что вы нам хотите сообщить, молодой человек?

— Я стрелял. Но не специально. Я отвлекся... Так получилось. — Глаза Ивана продолжали гореть непримиримостью к обстоятельствам.

— А все эти ребята помогали тебе целиться? — вскинул бровью оперативник, что привел его.

— В игры они играли. Игроманы.

— Тогда кто вас отвлек?

— Я уж не помню. Орут же все, когда в «страйк» режутся.

— До этого вам приходилось держать в руках спортивный арбалет?

— В первый раз.

— А выпили вы перед этим сколько, молодые люди?

— Ниче мы не пили.

— Так вы окно-то специально открыли, чтобы целиться?

— Да, но в человека я стрелять не собирался.

— А в кого, простите?

— Ну... думал... голубя какого...

— Голубя, значит, не жалко?..

Дальше началось длинное и нудное заполнение протокола допроса. Причем по мере его заполнения то следователь, то дознаватели, то опера задавали все те же вопросы, пытаясь свести дело к организованной стрельбе по людям.

Ближе к полуночи дверь открылась, и в помещение, где рядком сидели ребята, вошел священник. Тот самый. Это был мужчина лет пятидесяти крепкого телосложения. Седые волосы хвостиком собраны на затылке. Окладистая ровная борода. Серые глаза. Он окинул всех взглядом и сразу обратился к следователю:

— Здравствуй, Юрий Александрович, отпуская ребят...

— Здравствуйте, батюшка... Стало быть, повезло?

— Да, жизненно важные, как у вас пишут, не задеты, стрела на излете была. Шок болевой. И все. Отпускай ребят.

— Батюшка, в храме у себя командовать будешь. А мы уже протоколы оформили почти.

— Порви. Я их прощаю. Что я, зря с самой больницы сюда вприпрыжку бежал?!

— У нас еще государство есть. Вот если оно...

— Юра, мы с тобой сколько вместе прошли? Слышишь меня, майор?

— Так точно, товарищ полковник, но...

— Юра! Не стоит им жизнь калечить. С вашими приводами потом ни в институт, ни в армию.

— Тов... Отец Андрей... Батюшка...

— Не благословляю! Слышал? Рви протоколы...

Ребята смотрели на все происходящее, как на явление инопланетянина. Сема вдруг и сразу понял: Бог есть. Точно есть. И Он не только оставил в живых своего служителя, но и послал сюда. Вот о чем говорила бабушка... Бог коснется. И было от этого касания и светло, и радостно, и как-то возвышенно больно одновременно. И смысл жизни, и весь мир вдруг открылись подростку в одно мгновение. И, наверное, не одному ему. Потому вдруг неожиданно встал самый рослый и самый сильный Валера. Он подошел к священнику и, словно выдавливая из себя слова, через комок в горле, ломающимся голосом сказал:

— Простите нас, батюшка... Простите... — И вдруг зарыдал, содрогаясь всем телом. — Правда, специально не стреляли...

Никто никогда не видел, чтобы он плакал, а тут он рыдал, не скрываясь. Священник вдруг приобнял его по-отечески, к себе прижал. Погладил по коротко остриженной голове.

— Ну все... все...

Глядя на это, заплакал и Сема. Ему уже давно хотелось, но раз уж рыдал Валера, то куда ему-то!.. Даже Ваню отвернулся в сторону, растирая кулаком глаза, хоть и очень старался не подать виду. Через минуту плакали все.

— Ты это... батюшка... какого тут массовый катарсис устраиваешь...

— Дурак ты, Юра. Я, что ли? Господь посетил... — Голос у самого священника тоже, похоже, дрогнул. — Ты ж знаешь, что буквально в старую рану попали. Как в десятку. Так-то я, быть может, на ногах устоял бы. А тут... Отпусти ты их, Юра. Я тебя как бывший командир прошу. Не верю я, что они специально.

Следователь поднял над столом только что с таким трудом расписанную пачку протоколов и на глазах изумленных оперативников одним движением порвал ее сначала на две, а потом и на четыре части.

— Идите с глаз моих... долой... Все! И ты, отче! Сам же знаешь, безнаказанность хуже наказания.

— Мне отмщение и Аз воздам! — напомнил отец Андрей бывшему сослуживцу.

— Идите! Не рвите мне душу!

Потом вышли в дежурку, где толпились бледные и взволнованные родители. Пока обнимались, целовались, объяснялись, никто не заметил: батюшка исчез так же неожиданно, как и появился. Потом Валера вдруг подошел к Ване и тихо сквозь зубы сказал: «Тунеядец, говоришь?..» Ваню только опустил глаза.

Отец Семы заглянул в кабинет, откуда вышли ребята и спросил:

— А батюшка где служит?

— Во Всесвятской, здесь... рядом... — ответил тот самый Юрий Александрович, не поворачивая головы. Он задумчиво смотрел в печальную осеннюю мглу за мутным стеклом.

Потом вышли на улицу. Так и шли — семьями, чуть растянувшись. Были какие-то уже ничего не значащие разговоры и тем более уже ненужные нравоучения.

— Заплатили, поди, попу-то... Точно заплатили, чтоб заяву забрал, — это сквозь зубы сказал отец Вани, глядя в спины впереди идущих Сырцовых.

Никто, кроме Вани, его не слышал. И тот вдруг остановился, посмотрел на отца какими-то новыми глазами и попытался что-то сказать:

— Т-ты... А ты?... Как же?!... Это же... Эх!.. — и вдруг побежал. Побежал так, словно ему нужно было сдать кросс. Все на минуту замерли.

— Что это с ним? — спросила мать Толи, но никто ей не ответил.

Удивленный и встревоженный отец Вани стоял и смотрел до тех пор, пока силуэт сына не растворился в сырой октябрьской тьме.

